

Познание света дней и пространств бытия

В магазине «Амиталь» на Пушкинской» прошла презентация книги поэта Василия Нацентов «Лето Мотылька». Василий Нацентов родился в 1998 году в Каменной Степи (Воронежская область). Поэт. Эссеист. Лауреат Международной премии им. Василия Аксёнова, премии журнала «Юность», финалист премии «Лицей» им. А.С. Пушкина и др. Участник международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Учится на факультете географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета.

Текст: Дмитрий ЧУГУНОВ,
профессор филологического
факультета ВГУ,
член Союза писателей России
dr-chugunov@yandex.ru
Фото: Юрий ЛЕБЕДЕВ
lebedev@vsu.ru

Одно из первых впечатлений: обложка книги удивительным, парадоксальным образом напоминает... обложку сборника Бродского «Бог сохраняет всё». Существуют ли некие силы сопряжения, сближающие авторов во времени и пространстве? Знала ли девушка Лиза, иллюстрируя стихи своего друга, о том сборнике?

И вот ведь главное: Василий Нацентов как раз и пишет о бесконечных образах мира вокруг себя. Обычный человек пройдёт равнодушно мимо, поэт — замрёт, начнёт вслушиваться в особенную музыку мгновения. А затем зазвучит его собственная речь — становящаяся быстро узнаваемой, испол-

ненная характерных анапестов и лирических ямбов. И смыслом рождающихся строк окажется ни много ни мало, как поиск настоящего языка, который ещё где-то сохранился.

прилетели скворцы
и заученность чёрных аллей
тяжелеет от свиста

синеватые перья
отливают и мокнут
и речист умирающий снег
и кленовая ветка речиста

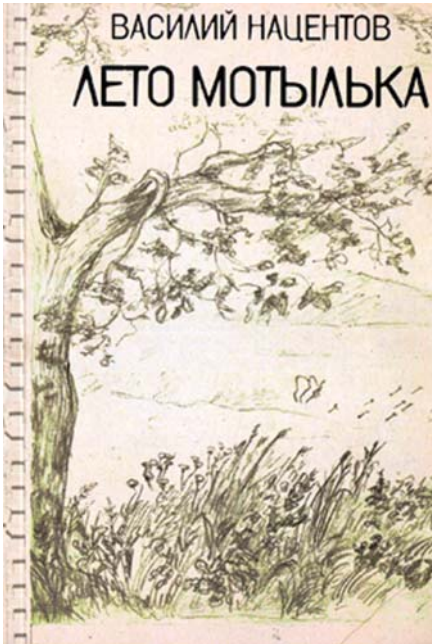
говорю и курю
замедляю шаги замедляю

так кончается эта зима...

Настоящие слова можно услышать повсюду. Мотылёк не навязывает свою волю миру. Напротив, он доверяет мудрости Бога, который сохраняет всё, и стремится раствориться в этой безбрежности происходящего. И тогда даже в малом открывается великое.

Холодная и долгая весна.
Вечерний свет на улице Шишкова.

И комната укрмна и грустна
от музыки и скомканного слова.

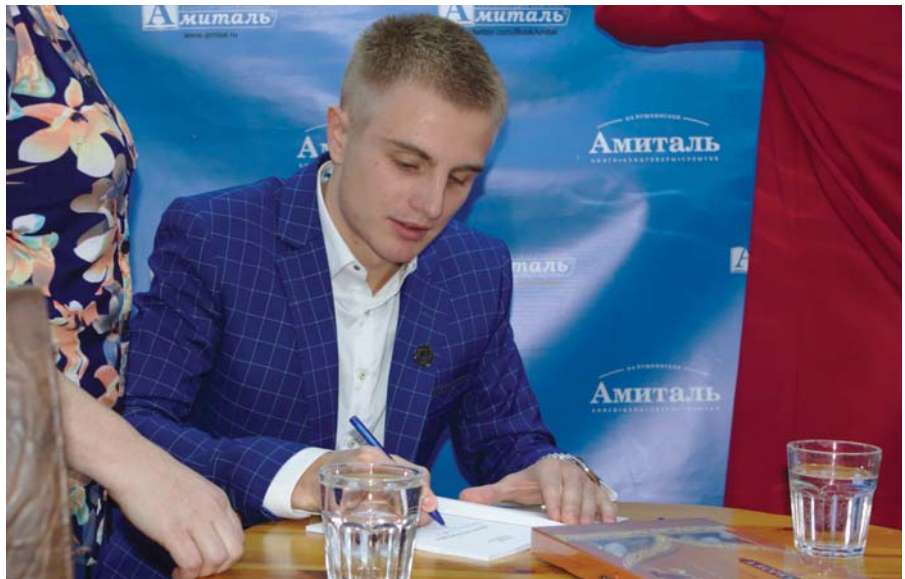
И немо, и подробно, и мало
пространство от стола и до кровати.
Качают капли сонное стекло,
как водомерки гладь воды. Некстати

часы ударят, тени вороша
и музыку притихшую тревожа.
И до любви душе, наверно, шаг,
который совершить она не может.

Отвечая на вопрос, почему его книга названа так, Василий сказал на встрече в «Амитале»: «Просто открыл рукопись, ткнул, что называется, пальцем в первое попавшееся стихотворение, и это оказалась строка про мотылька».

...не умру — пролечу мотыльком
над твоим обнажённым плечом...

Случайность? В поэзии случайностей не бывает. За ангелами и птицами в его строчках, за снегом и смертью, комнатой и вечером, девочкой и дорогой, деревьями и садом, вокзалами и дождями встаёт классическое, пушкинское — «Нет, весь я не умру». И здесь же, рядом с Пушкиным, сотканный из классических аллюзий Мандельштам. И Юрий Шевчук, спросивший: «Что останется после меня? Что возьму я с собой?» И Тютчев, и Бальмонт,

и наши современники — Евгений Рейн, Зоя Колесникова...

Не излишне ли скромно — отвести себе роль «мотылька»? Поэт, пробиваясь к читателю, должен греметь. Может ли мотылёк производить ошеломляющий эффект?

Важнее, на мой взгляд, другое — естественность поэтического зрения. Мотылёк — тот, кто видит мир вблизи. Темнота — «мокрая», боль — «белая», стволы деревьев — «немые», сад — «убывающий», город — «гулкий»...

Это и есть настоящий язык бытия.

Я слово через смерть свою несу
и возвращаю музыкой обратно.

